

ПОИСК

Об опасностях хотел умолчать

Исследуя формулярный список М. Ю. Лермонтова

Предлагаемая вниманию читателей публикация принадлежит перу очень любознательного человека с необычайно широким кругом интересов. Поиск ведет деревенский учитель, живущий далеко от шума больших городов. И публикация эта не претендует на истину в конечной инстанции. Однако известно, что ученые отнеслись к этому поиску с вниманием. Цитируем письмо крупного знатока творчества поэта В. Мануйлова: «Дорогой Дориан Михайлович. К изучению присланной Вами фотоконии формулярного списка Лермонтова я привлек своего ученика и помощника, с которыми работаю над вторым изданием «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» С. Б. Латышева. Похоже, что этот формулярный список не учтен и не использован в литературе по Лермонтову».

Мы привыкли к тому, что находки ждут исследователя лишь на нехоженных тропах. На этот раз дело обстоит иначе: неизученный лермонтовский документ находился на «поверхности», среди давно известных архивных материалов. Но до настоящего времени содержащиеся в документе подробные сведения о службе Лермонтова на Кавказе в 1837 году не стали достоянием науки. Между тем первая ссылка на Кавказ остается «белым пятном»

То немногое, что известно о пребывании Лермонтова на Кавказе в 1837 году, почерпнуто в основном из его известного письма к Святославу Раевскому: «...с тех пор, как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом, извездил линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани...»

Известны также письма поэта из Пятигорска к М. А. Лопухиной от 31 мая и к Е. А. Арсеньевой от 18 июля, в которых Лермонтов кратко сообщает о своей болезни и намерении отправиться по выздоровлении к своему отряду в Анапу. Некоторые указания на маршруты странствий Лермонтова содержат его произведения — «Тамань», «Максим Максимыч», «Княжна Мери», «Памяти А. И. Одоевского». Из мемуарных свидетельств современников наибольшее значение имеют записки Н. М. Сатина о знакомстве Лермонтова с Белинским летом 1837 года в Пятигорске, а также о встречах поэта с сосланными на Кавказ декабристами зимой этого же года в Ставрополе. Сохранились некоторые служебные документы: предписание выехать на царский смотр в Тифлис, приказ о переводе из Нижегородского полка в Гродненский и др.

На основе этих материалов и сложилось традиционное представление о первой ссылке Лермонтова. Высланный из Петербурга за стихотворение «Смерть поэта», он был назначен в Нижегородский драгунский полк на Кавказе, однако в пути заболел и на четыре месяца (до начала сентября) остановился на лечение в Пятигорске. Лишь в конце сентября Лермонтов прибыл в свой отряд, но к тому времени

летняя экспедиция против горцев уже завершилась, и поэт вместе с эскадронным выехал на царский смотр в Тифлис. Здесь 11 октября 1837 года ему объявили «высочайшее прощение». Однако к месту нового назначения — в Гродненский гусарский полк Новгородом — Лермонтов выехал лишь в самом конце года, после осеннего похода в горы Азербайджана и отдыха в Ставрополе. Такова сложившаяся версия.

Совершенно иную картину раскрывает неизвестный послужной список Лермонтова.

Согласно этому документу, уже 21 апреля 1837 года Лермонтов прибыл в Геленджик, где получил назначение в Ольгинское укрепление (под Туапсе). Вскоре отряд под командованием генерал-майора Штейбека вышел в Абинское укрепление, куда должен был конвоировать «транспорт с разными запасами». В пути дважды подвергались нападениям горцев: 26 апреля Лермонтов участвовал в перестрелке на реке Кунипсе, 29-го — близ Абинского укрепления. В начале мая отряд вернулся в Ольгинское. Несколько дней спустя Лермонтов вышел в новый поход — сопровождать в Геленджик генерал-лейтенанта А. Вельяминова. В послужной список поэта вносятся новые записи: 10 мая — сильная перестрелка в Гулабском лесу, 11 мая — стычка в Боголовской долине, 12 мая — бой близ Николаевского укрепления, 17-го — «на долине оного», 23-го — у перевала Воробуш, 24-го — на реке Дуабе, 25-го — на реке Пшаде... Три недели спустя Лермонтов направляется в морскую экспедицию капитана 1 ранга Серебрякова, получившего задание захватить турецкие суда с оружием для горцев. Турецкие суда были настигнуты и сожжены в устье реки Шапсухо 22 июня...

Места, где летом 1837 года поэт участвовал в боевых действиях, легко восстанавливаются по современной крупномасштабной карте: это прибрежный район Черного моря между Геленджиком и Туапсе. Сохранили свои названия Ольгинское (Ольгинка), Абинское, Новомихайловка, Ольгинский-на-Кубани и другие населенные пункты, реки Шапсухо, Вулан, Пшада, Кунипсе...

Гораздо сложнее объяснить противоречия между послужным списком и ранее известными документами. Прежде всего напрашивается вопрос: не приписал ли «боевых заслуг» опальному поэту кто-либо из его доброжелателей с целью помочь заслужить царское «прощение» на смотре в Тифлисе? Ведь среди таких доброжелателей был родственник Лермонтова, начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья генерал-майор П. И. Петров, у которого поэт дважды останавливался в Ставрополе.

Однако послужной список составлен три года спустя, 30 октября 1840 года, и направлен командиром Тенгинского пехот-

ного полка в штаб отдельного Кавказского корпуса как приложение к наградным документам за сражение при Валерике 11 июля 1840 года.

Из Тифлиса материалы были отосланы в Петербург. Прежде чем вычеркнуть Лермонтова из списка награжденных, Николай I внимательно прочитал не только представление к ордену Станислава III степени, но и послужной список поэта. При этом царь обратил внимание, что поручик Лермонтов слишком много путешествует, вместо того чтобы нести строевую — «фронтную» службу в своем полку.

Генерал П. И. Петрова к тому времени уже давно не было на Кавказе. Трудно допустить, чтобы командир Тенгинского полка, подписавший наградные документы, мог решиться на «приписки», грозившие ему военным судом. Может быть, ошибки вкрасили случайно или документ писался «на глазок»? Но послужной список Лермонтова содержит сведения не только о первой ссылке на Кавказ, но и о других этапах его службы с 1832 по 1840 год. И все эти факты и даты, кроме 1837 года, давно известны лермонтоведам, точно соответствуют литературным данным.

Достоверность событий, изложенных в послужном списке, может быть проверена и другими путями. Один из них — сопоставление документов Лермонтова и его сослуживцев. Еще один путь — сопоставление формуляра с мемуарными свидетельствами современников. Оба эти пути подтверждают историческую верность формуляра.

Труднее согласовать послужной список Лермонтова с его письмами 1837 года. Но и здесь обнаруживаются удивительные факты. Оказывается, автографа основного документа — письма Лермонтова к Раевскому — не существует. Нет и копии. Текст письма привел в своих воспоминаниях А. П. Шан-Гирей, но рукопись его мемуаров также не сохранилась.

Вызывают сомнения и даты в письме к М. А. Лопухиной и Е. А. Арсеньевой: на автографах не указаны ни место, ни год их написания. Лермонтоведы датируют эти письма лишь на основе имеющихся в них указаний на близкий приезд на Кавказ Николая I. Признавая такой довод убедительным, следует, однако, сказать, что содержание писем (Лермонтов лечится в Пятигорске и только собирается в действующий отряд) можно взять под сомнение: поэт просто не хотел тревожить близких людей рассказами об опасностях своей новой службы.

Наука еще скажет, конечно, свое слово, однако мне, горячему почитателю поэта, кажется достоверным его новый кавказский маршрут.

Д. РОМАНОВ,
заслуженный учитель
школы РСФСР.
Ясная Поляна.